

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ОРГАНИЗАТОРА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR ORGANIZATIONAL ACTIONS UNDER THE CRIMINAL LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES RELATED TO THE CONTENT SYSTEM OF LAW

O. Doleva

Summary. The study of the legal nature of the organizer of the crime in conjunction with the norm of Russian criminal law, which contains provisions on this type of accomplice, made it possible to identify the characteristics of the organizer of the crime, on the basis of which, as well as taking into account a retrospective study of the concept of the organizer of the crime, proposals for doctrinal and legal definitions of the concept of «organizer of the crime» were formulated.

Keywords: organizer of a crime, complicity in a crime, organization of a crime, leadership of a crime, methods of committing actions to organize a crime, resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Долева Ольга Андреевна

Аспирант,

Университет прокуратуры Российской Федерации

olya.doleva@yandex.ru

Аннотация. Изучение правовой природы организатора преступления во взаимосвязи с нормой российского уголовного права, содержащей положения о данном виде соучастника, позволило выделить признаки организатора преступления, на основании которых, с учетом ретроспективного исследования понятия организатора преступления сформулированы предложения доктринального и легального определений понятия «организатор преступления».

Ключевые слова: организатор преступления, соучастие в преступлении, организация преступления, руководство преступлением, способы совершения действий по организации преступления, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Впервые об организаторе преступления как объекте криминалистического исследования упоминается А.Н. Трайниным в работе, опубликованной в 1941 году, «Учение о соучастии» [1]. Вместе с тем, определение данного вида соучастника автором в указанном труде не приводится.

Понятие «организатор преступления» законодатель впервые закрепил Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. [2]. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 17 Основ организатором преступления признавалось «лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его совершением».

В ст. 17 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. сохраняется аналогичная ч. 4 ст. 17 Основ формулировка понятия «организатор преступления» [3].

Положениями части 3 статьи 33 УК РФ 1996 года [4] закреплено понятие «организатор преступления». Таким признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими.

Проводя сравнение первоначальной, а также актуальной на сегодняшний день формулировок закона, обозначающих понятие «организатор преступления», следует отметить, что часть определения осталась в неизменном виде: организатором преступления признается «лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его совершением», при этом Уголовным кодексом Российской Федерации 1996 года, в том числе действующей его редакцией, границы исследуемого определения расширены, наряду с указанным выше понятием, организатором преступления выступает лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими.

Обращаясь непосредственно к понятию «организатор преступления», необходимо подчеркнуть, что в представленном в УК РФ 1996 года виде положения об упомянутом соучастнике неизменны до настоящего времени. При этом стоит отметить далеко неудовлетворительные оценки нового УК РФ со стороны значительного числа представителей научного сообщества и практиков [5, С. 128–158, 6, С. 39].

Учитывая весьма высокие темпы динамики уголовного законодательства за более чем 65-летнюю историю

существования понятия «организатор преступления» в целом, норма, его содержащая, выступает объектом пристального внимания ученых. Рассматривая эволюцию теоретического подхода к определению «организатор преступления», следует отметить, что при значительном количестве проведенных исследований на заданную тему и предложенных формулировок обозначенного понятия, в настоящее время данный вопрос остается дискуссионным.

Так, во второй половине XX века учеными [7, С. 131, 8, С. 125, 9, С. 13, 10, С. 18] предприняты попытки расширить пределы уголовной ответственности организатора, объединив в одном определении не только функции организатора, но и формы преступной деятельности, чем был задан спорный, на наш взгляд, вектор развития учения об организаторе преступления. В доктрине присутствовало и иное мнение [11, С. 141]. При этом в научной среде, как правило, не заострялось внимание на так называемой тавтологичности [12, С. 114] рассматриваемого определения.

В более позднем периоде (с начала 2000 годов и до настоящего времени) ученые идут по пути преодоления тавтологии в исследуемом понятии зачастую посредством использования синонимов (что, в ряде случаев, приводит к неопределенности понятия и спорности вопроса о единообразии его применения на практике). При этом учеными совершенно по-разному разрешается вопрос совмещения в рассматриваемом определении функций организатора и форм соучастия с позиции законов формальной логики [13. С. С. 122–123, 14. С. 77, 15. С. 37, 16. С. 105].

На протяжении последних 15 лет авторами также предлагаются новые формулировки определения «организатор преступления» [17. С. С. 89, 92, 18. С. 163, 19. С. 135].

Таким образом, на протяжении последних чуть менее 70-ти лет не утихают споры вокруг понятия «организатор преступления». В разные периоды времени акцент проблематики данного понятия смещался либо в сторону расширения пределов уголовной ответственности организатора путем объединения в одном определении и функции организатора, и форм преступной деятельности, либо преодоления тавтологичности рассматриваемого определения.

Обращаясь ко второй части определения, необходимо отметить следующее. По-справедливому, на наш взгляд, мнению А.А. Арутюнова в ч. 3 ст. 33 УК РФ «неправильно произведено деление понятия, поскольку в основу положено два основания — преступление и форма соучастия» [20, С. 145–146]. Следует отметить, что и ранее в доктрине также существовало аналогичное мнени-

е, не воспринятое, к сожалению, законодателем того периода.

Так, Ф.Г. Бурчаком под организатором преступления предложено понимать лишь лицо, организовавшее или руководившее совершением преступления. Автор, верно, указывает, что «действия организаторов преступных сообществ являются одним из видов деятельности, рассматриваемой как преступление непосредственно в статьях Особенной части УК. Поэтому в статье, предусматривающей ответственность соучастников, о них говорить нет необходимости» [21, С. 141]. На аналогичной позиции стоят и современные авторитетные ученые.

Неоспоримым, по нашему мнению, является заключение К.В. Обажиева и Д.А. Мелешко о том, что при уголовно-правовой оценке действий создателей и руководителей организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) следует учитывать, что, несмотря на предписания ч. 3 ст. 33 УК РФ, их организаторские функции никогда не получают отражения в формуле квалификации преступления [22]. В таком случае возникает закономерный вопрос о целесообразности включения обозначенной формулировки в дефиницию ч. 3 ст. 33 УК РФ.

Логическое разделение соучастия на виды и формы влечет последовательный вывод о неверном разрешении в настоящее время в УК РФ вопроса о включении предписаний Особенной части УК РФ в структуру нормы Общей части УК РФ (ч. 3 ст. 33 УК РФ).

Исследование правовой природы организатора преступления во взаимосвязи с нормой российского уголовного права, содержащей положения о данном виде соучастника, а также ранее проведенное исследование [23, С. 24–30] позволяет выделить следующие его признаки:

- организация совершения преступления, то есть объединение усилий других лиц в стадии исполнения преступления (покушения на исполнение).

Данный признак находит выражение в активных конкретных действиях организатора по постановке цели, разработке плана преступных действий для ее достижения, подысканию и вовлечению (подбору) соучастников, распределению функциональных обязанностей (ролей) между ними, обеспечению материально-технической и (или) финансовой базы, необходимых для совершения преступления, организации сокрытия орудий и следов преступления, ценностей, добытых преступным путем, выполнение иных активных действий по объединению усилий других соучастников и направлению их совместной преступной деятельности в стадии подготовки и (или) совершения преступления.

Указанный признак характеризуется особо активной ролью, отражающей характер и степень участия организатора в совершении преступления. При этом активная иницирующая роль в совершении преступления, в абсолютном большинстве случаев принадлежащая организатору, не может быть учтена как самостоятельноеотягающее обстоятельство в силу того, что квалификация действий организатора по ч. 3 ст. 33 УК РФ уже свидетельствует об особо активной его роли и отражена в формуле квалификации. Организация преступления всегда предшествует руководству его совершением, выполнение функций по организации и руководству преступлением может выполняться как одним лицом, так и разными лицами.

Данный признак находит выражение в активных конкретных действиях организатора по осуществлению функции управления соучастниками (координации действий соучастников, в том числе, посредством отдачи приказов, указаний) в стадии подготовки и (или) совершения преступления (покушения на исполнение).

Таким образом, при всей сложности переплетения в институте соучастия теорий акцессорной и самостоятельной ответственности, Уголовный кодекс Российской Федерации в главе 7 должен содержать четкое разграничение видов и форм соучастия, а ч. 3 ст. 33 УК РФ — четкое, лаконичное определение такого вида соучастника, как организатор преступления. Такое определение, как представляется, может характеризовать только лицо, действия которого подлежат квалификации одновременно по ч. 3 ст. 33 УК РФ и соответствующему составу Особенной части УК РФ. Полагаем, именно указанное понимание сути такого вида соучастника, как организатор преступления, будет способствовать устранению правовой неопределенности, имеющей место в настоящее время при трактовке ч. 3 ст. 33 УК РФ.

В этой связи, соглашаясь с тезисом, что с позиций уголовного законодательства определение понятия должно быть максимально простым и одновременно достаточно емким, «чтобы не создавать искусственных препятствий на пути привлечения преступников к уголовной ответ-

ственности» [24, С. 160–174], представляется возможным сформулировать ч. 3 ст. 33 УК РФ следующим образом: «Организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления и(или) руководившее его исполнением». Поскольку ни в одном научном филологическом источнике не прописано жестких требований (по типу ГОСТа) к тому, как должна выглядеть дефиниция термина, считаем, что такое определение соответствует общим требованиям, а потому допустимо: оно однозначно, объективно, лишено экспрессивности и развернуто. Представленная формулировка обеспечит четкость, лаконичность и емкость определения, а также исключит имеющуюся ныне в норме «мертвую» его часть, позволив определению быть действующим в полном объеме.

При этом, с точки зрения доктрины может быть предложено следующее определение понятия: «Организатором признается лицо, объединившее усилия других соучастников и направившее их деятельность на обеспечение выполнения исполнителем объективной стороны преступления».

Разделяя мнение К.В. Ображиева об обусловленности и необходимости существования в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ предписаний, конкретизирующих уголовно-правовые нормы, компенсирующих пробелы в УК РФ, в силу весьма далекого от совершенства, уровня техники конструирования уголовного закона и бессистемности вносимых в УК РФ изменений [23, С. 321, 322], с учетом актуальности в научной среде и практической деятельности вопросов, касающихся института соучастия в целом и квалификации действий соучастников в частности, полагаем, что назрела необходимость в устранении пробелов и противоречий, имеющих место в системе института соучастия, посредством принятия Пленумом Верховного Суда РФ соответствующих разъяснений в данной сфере.

Именно в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященном вопросам соучастия, полагаем необходимым конкретизировать и отраженные выше способы совершения действий по организации преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трайнин А.Н. Учение о соучастии. Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941.
2. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. URL: [http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102011947&bpa=cd000000&bpa=cd000000&intelsearch=%CA%E%F1%F2%E8%F2%F3%F6%E8%E5%E9](http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102011947&bp a=cd000000&bpa=cd000000&intelsearch=%CA%E%F1%F2%E8%F2%F3%F6%E8%E5%E9) (дата обращения: 09.11.2023).
3. Уголовный кодекс РСФСР URL: <https://docs.cntd.ru/document/9037819>.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022, с изм. от 15.03.2023 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106699/).
5. Максимов С.В., заведующий сектором уголовного права и криминологии Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор. Труды Института государства и права Российской академии наук № 1/2011. С. 128–158.
6. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 39.
7. Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1959. С. 131.

8. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Ч.П. / Ученые труды Свердловского юридического ин-та. Право. Вып. 3. — Свердловск, 1962. С. 125.
9. Царегородцев А.М. Ответственность организаторов преступлений: учебное пособие. — Омск: Омская школа милиции МВД СССР, 1978. С. 13.
10. Царегородцев А.М. Ответственность организаторов преступлений: учебное пособие. — Омск: Омская школа милиции МВД СССР, 1978. С. 18.
11. Бурчак Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев. 1986. С. 141.
12. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 122–123.
13. Покаместов А.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика организатора преступной деятельности диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук 12.00.08. С. 77.
14. Павлухин А.Н., Рыжов Р.С., Эриашвили Н.Д. Виды и ответственность соучастников преступления. М., 2007. С. 77.
15. Ситникова А.И. Доктринальные модели и законодательные конструкции института соучастия в преступлении. М., 2009. С. 37.
16. Гордеев Р.Н. Групповое преступление в уголовном праве. Красноярск, 2009. С. 105.
17. Клименко Ю.А. Организатор в преступлении: понятие, виды, уголовно-правовое значение: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Клименко Юрий Александрович; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. — Москва, 2011. С. 89, 92.
18. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. — М.: Статут, 2013. С. 163.
19. Дрепелев А.С. Соучастник преступления: закон, теория, практика: Дисс. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Дрепелев Александр Станиславович; [Место защиты: Сарат. гос. юрид. акад.]. — Саратов, 2017. — С. 135.
20. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М. Статут. 2013. С. 145–146.
21. Бурчак Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев. 1986. С. 141.
22. Совокупность преступлений: проблемы квалификации и назначения наказания / Под ред. Ю.Е. Пудовочкина. — М.: РГУП, 2019. С. 147–148.
23. Долева О.А. Признаки организатора как соучастника преступления// «Вестник Владимирского юридического института». 2024. № 3 (72). С. 24–30.
24. Клейменов М.П., Клейменов И.П. Развитие организованной преступности: явление и определение / Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 2. С. 160–174.

© Долева Ольга Андреевна (olya.doleva@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»